

ТИНА
ТАНДАВА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

#МОНСТРЫ

18+

ЕГО
ХЕЛИЦЕРЫ

Тина Тандава

Его хелицеры

«Автор»

2026

Тандава Т.

Его хелищеры / Т. Тандава — «Автор», 2026

Иногда наступает момент, когда стоит бросить всё и начать жизнь с чистого листа. Одинокaя деревенская изба тоже может стать уютным домом, особенно если в ней есть тёплaя печкa и в перспективе можно провести интернет. Но, получая наследство, нельзя отказаться от его части, и приходится принимать не только дом и хлам, но и невыплаченные долги. Жизнь в деревне могла бы стать тихой и приятной, но ошибка бабушки, допущенная в далёком прошлом, оставила в пространстве трещину, и теперь через неё пытается проникнуть нечто чудовищное и жуткое, чему здесь не место. И никто не сможет остановить его. Но что, если на самом деле останавливать и не нужно? А нужно... помочь? Дать изучить и подарить шанс на новую жизнь не только себе, но и кому-то чуждому самой сути бытия? Остаётся лишь вопрос: как не сойти с ума от кошмаров, через которые придётся пройти прежде, чем мир восстановит равновесие. # В конце обязательный хэппи-энд

© Тандава Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Автобус, который ходит дважды в день	5
2. Сон на новом месте	9
3. Дом с запахом прошлого	12
4. Домовой	15
5. Терапия от бога	19
6. Внутреннее тепло	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тина Тандава

Его хелицеры

1. Автобус, который ходит дважды в день

Внимание!!!

*Некоторые сцены могут вызвать физическое отвращение, состояние тревоги, ужаса или моральное неприятие. Мои герои – чудовища и не образец морали! В реальности подобное поведение без взаимного согласия **не является** нормой и **уголовно наказуемо!***

Предупреждения:

- Пауки!!!
- пугающее принуждение,
- кошмарные сны,
- откровенные описания,
- нецензурная брань

Категорически не рекомендуется страдающим арахнофобией!

1. Автобус, который ходит дважды в день

Колесо качнулось на кочке, и я снова вскинула голову, ударившись лбом о холодное стекло. По нему с обратной стороны чертили косые стрелы дождя, мутя серый пейзаж обочины. Ехали мы третий час, и я, признаться, даже на миг пожалела, что согласилась на это приключение. Да и приключение так себе. Разгрести старый ненужный прогорклый хлам в деревенском доме, а в награду за труд получить... прогорклый хлам и деревенский дом. Не знаю, каким образом меня нашли наши доблестные Органы, но оказалось, что древняя халупа принадлежит мне. Впрочем... да, лучше халупа. Там хотя бы можно выспаться. Отчим подруги, с которой я вместе снимала квартиру в центре, зачастил к нам, и очень не нравились мне его взгляды на семейные ценности. Подруга и сама была не рада, так что мы с ней покумекали, да и разъехались в разные стороны, никому не сообщив новые адреса. И в целом, даже с учётом всех потерь, на данный момент это казалось неплохим решением. И я, чуть поудобнее пересев в кресле, закрыла глаза, ещё не зная, как ошибаюсь.

Сны налипали серые, сумбурные. Напоминали скорее какие-то отголоски мыслей, чем что-то цельное. Иногда казалось, что кожи касаются жёсткие ветки, через которые я продираюсь, а иногда – приятно убаюкивала вязкая пустота. Проснулась я рывком от поднявшейся вокруг суеты. Остановка.

Вышла со всеми пассажирами, размяла ноги и встала в очередь в туалет. Как же серо вокруг! Ранняя весна, ещё даже снег не начал таять, а так и лежит бурыми буграми по сторонам от дороги и пятнистыми пластами между голых деревьев. Зябко от одного взгляда. А уж какая тоска серая меня ждёт там, в этой «Дальнезалупени горбатой»? Или как эта деревушка называется на самом деле? «Говнодрищенск»? Или «Малые жопки»?

– Да какая разница? – угрюмо выдохнула я пар, сделав шаг вперёд вместе со сдвинувшейся озябшей очередью. – Хоть «Шмаропердово». Лишь бы интернет ловил, а там разберусь.

После туалета рискнула купить стаканчик кофе и булочку, а то сил мёрзнуть уже не было. Но и в автобус возвращаться не хотелось, потому что ехать предстояло ещё часа три. А потом с баулами чухать от посёлка на старом автобусе, который единственный два раза в день отправляется в эту пердь по буеракам. Сама я там ещё ни разу не бывала, но как доехать терпеливо

объяснил тот же дядечка, который поставил меня перед фактом, что я – счастливая обладательница двенадцати соток, на котором кряхтит суставами ещё крепкий, но очень старый дом какой-то дальней родственницы, которая отправилась на тот свет пять с лишним лет назад.

Бабушке я была благодарна. Пусть, судя по всему, она и не подозревала, что дом достанется мне, да и вряд ли вообще знала, что я существую, но что поделать, если так сложилась судьба? Удивительно, что местные власти вообще умудрились меня разыскать, а не присвоили землю. Хотя... кому она там нужна в том глухом краю? Мне. Мне нужна, поэтому я ела булочку, пила жидкий невкусный кофе и благодарила незнакомую мне старушку, что выручила в такой период.

– Надеюсь, хоть сейчас этот вал неудач закончится? – проговорила я в серое небо и тут же схватила за шиворот жирную ледяную каплю с карниза палатки, у которой стояла. – Та твою мать! Ладно, понятно, жопа продолжается!

Стоящие рядом пассажиры недоумённо глянули на меня, и пришлось извиняться и объяснять, что ругнулась от неожиданности и очень сожалею о непристойном поведении. Получилось почти искренне.

Погрузились назад вполне мирно, и я снова свернула у окна, чтобы хоть немного поспать и таким образом сократить путь. Ехать ещё долго.

Сон пришёл быстро, и я снова погрузилась в дремотную истому, наслаждаясь покоем и теплом. Снилось серая пелена. Чьи-то изучающие прикосновения. Или я снова продираюсь сквозь сухие ветки и иду куда-то? Тогда почему не больно? Просто – никак. Впрочем, это «никак» вполне хорошо. Однозначно лучше, чем кошмар или тревожная суeta, как бывает в моменты, когда спишь урывками.

Но затем сон внезапно изменился. Не сам, а для меня. Вся неясная картина осталась прежней, всё виделось так же. Но адреналин резко выбил сознание в ясность, потому что я услышала чьё-то быстро приблизившееся дыхание. Я всё ещё спала, но теперь меня скрутило тревогой и страхом, потому что казалось, что рядом находится какой-то невидимый хищник, который учуял меня. Дышит прямо у лица над правым ухом. Размеренно, глубоко, заинтересованно. Поймал...

Я подскочила на кресле, выплюнув судорожный выдох так, что аж слюна капнула с расслабленных до этого губ. Быстро утёрлась, надеясь, что сосед не заметил, и только тут поняла, что он, похоже, тоже спал и случайно прилёг мне на плечо. Ах вот откуда эти сны беспокойные! Я смущённо посмотрела на не менее смущённого дядечку, мы оба сонно извинились друг перед другом, обменялись неловкими шутками и вернулись в удобное положение. Он достал телефон, а я протёрла запотевшее стекло, чтобы посмотреть на окружающую хмарь. «Задрищенск». Как есть, «Задрищенск»!

– Ох ты ж ёш твою мать! – не выдержала я, когда ближе к вечеру, пережив поездку не только на междугороднем, но и на местном стареньком автобусе, наконец-то выгрузилась со своими баулами на одинокой кривой остановке в деревне. Конечная точка, дальше только ножами. – Это ж какая хтонь лютая!

Пейзаж вызывал уныние: широкое, покрытое снежным настом поле справа от дороги. Асфальт, по которому, сизо пердя, уехал автобус, похоже, грозился раствориться этой же весной, но пока держался за счёт кривоватых заплаток. Слева стекал по обочине поворот на разжиженную грунтовку, вокруг которой жался друг к другу стволами замёрзший еловый лес. Чем дальше виднелась грунтовка, тем мрачнее казалась, потому что лес разрастался и закрывал её от света, будто вёл в самую чащу. Заманивал: «Иди сюда, девочка, иди, красавица, у меня для тебя приготовлен самый лучший холод и мрак! Я подарю тебе все свои высохшие звериные трупы, волчьи ямы и алкашей-маньяков, а на десерт отрубленную голову козла,

которая повисла на ветке рогом и обязательно упадёт тебе на макушку, когда ты пройдёшь под ней, чтобы убить».

– Так, ладно, какая взрослая жизнь, такой и новый дом. Хули ещё чего-то требовать? Не в сказку попала. Как-нибудь потом попаду, а пока по плану «Залупень мрачная». – И полезла в телефон: – Где там моя гео-метка? Пердѣхать ещё километров пять по этой срани!

Пердѣхать оказалось куда дольше. Да и дорога не располагала – грунтовку изнашивали колёсами так, что обходить колеи можно было лишь по обочине, а на ней, несмотря на холод, вместо снега хлупала бурая жижа, в которой тонули ботинки. Плодородная почва в этих местах, сразу видно.

Первой в деревне меня заприметила какая-то бабка. Как зомби, с шатанием высунулась из-за забора наконец возникшей в зоне видимости халупы, а потом аж на середину дороги вышла, подобрав юбку одной рукой, а вторую подняла козырьком, будто это могло помочь меня разглядеть. Я перехватила два увесистых баула, чертыхнулась, понимая, что пальцы уже не чувствую, и упрямо продолжила идти вперёд. Обувь давно промокла, и я перестала обращать внимание на покрывающую её грязь.

Деревня скрывалась за поворотом дороги. Едва я его миновала и вышла на прямую, увидела, что грунтовка единственной улицей пронзает её, как стрела, поднимаясь на небольшой пригорок. Домов тридцать максимум, и все древние-древние, с резными наличниками. В середине, где небольшая площадь, даже колодец на старинный манер виднеется, но рядом вроде колонка установлена.

– Ну, как минимум, колоритно, – выдохнула я, снова перехватывая сумки, и застонала – на пальцы было страшно смотреть.

Бабка, видимо, разглядев, что я одинокая женщина, а не злодей, кликнула кого-то из-за забора и резво заковыляла навстречу. Из под светлой косынки так и метались седые лохмы, а изо рта вырывался пар. Свежо. И точно холоднее, чем в городе – снег лежит по околице почти нетронутый и только улица вся серая и перепаханная колёсами.

– К Зиновьевне? – крикнула бабка, и я наморщилась:

– Чего?

– К Зиновьевне приехала, внученька, ась? – повторила бабка, и я, сообразив, закивала:

– Да. Людмила Зиновьевна, родственница моя, я дом получила...

– Ох, земля пухом! Ох, бедная-бедная! Та иди сюда, внученька, иди. Ждём уже! Давай-ка, сейчас молочка тебе парного, коврижек напекла, идём. – И обернулась, а я увидела, как вслед ей, пыхтя, идёт какой-то хрен в телогрейке. – Давай шагай, увалень! Куда это годится, девка молодая сама всё тащит, а мужик не чешется!

– Да я, как бы сама, – опешила я и попятилась от решительного взгляда хрена. – Не надо мне ничего, я тихонько...

– Ой, ты, голубушка, бросай, бросай! – замахала бабка. – Тут тебе не город, тут все свои. Давай, проходи в дом, напоим, накормим, а потом и к Зиновьевнину дому проводим. Ох, сколько стоял один-одинёшенек, выстудило всё уже! – И она, сморщив и так сморщенные губы, повинилась: – Ты уж прости нас, голубушка, похозяйничали. Пропадёт же добро, так мы там перестелили, протопили, чтоб ты не на сырое приезжала. Долго ехала-то?

В этот момент подошёл тот мужик и угрюмо выдрал из рук баулы, а затем удивительно благодушно улыбнулся и кивнул головой в кепке:

– Падём! Чё на морозе стоишь? Не бося, у нас тут друг за дружку все, ты не это. Я столяр, если чё надо – незадорого сделаю.

Бабка тут же подала голос:

– Та ну тащи давай, лясы точить начал уже! – И мне: – Пойдём, голубушка, окоченела небось.

И я пошла следом, за ковыляющей бабкой и пыхтящим столяром, который пёр мои сумки, будто они весили всего ничего.

Да, колорита тут с горочкой. От чвякающей грязи, до резных петушков на коньках изб. Казалось, я лет на сто назад переместилась, так тут всё было гармонично и атмосферно. Если бы не полоски на спортивных штанах мужика и не кепка с логотипом китайского бренда из Девяностых, можно было бы подумать, что я реально переместилась во времени. Но нет, переместилась я только от мрази в грязь. Не самый худший вариант, однозначно.

Гостеприимство бабульки беспокоило – я не привыкла к такому. Но делала скидку на разность менталитетов. Тут-то деревня настоящая, все друг друга знают, как одна большая семья. Дружная или нет, это уже потом узнаю, но то, что социум тут иной, ясно сразу. Ладно, надеюсь, не зарежут. На крайний случай я баллончик в кармане держу. А в другом телефон, где уже набран номер подруги, и можно нажать вызов в любой момент. Мы с ней договорились, что я позвоню, как доберусь, если вдруг что, и адрес она знала. Так что преступникам будет некуда бежать, если посмеют напасть...

Так думала я, пока не зашла в открытую дверь дома. А за порогом всё это сразу забыла.

Меня встретил чистый, опрятный и полный народу дом. Все румяные, довольные, в углу бесятся две малявки лет по семь-восемь, вместе с ними твякает обалдевший от счастья щенок дворовой породы, а на него с подоконника лениво посматривает вальяжный кот, похожий на батон. Изба оказалась просторной, и в ней суетилась как минимум дюжина человек. Тётки в косынках, и девчонки во вполне современной одежде. Парни, мужики. Какой-то дед перед телевизором тыкал тростью в экран, споря с диктором.

– Вот это я понимаю – благодать, – ошарашенно выдохнула я, замерев в дверях, и на меня обернулись. И в этот момент мне показалось, будто я впервые в жизни очутилась дома среди большой семьи, в которой меня любят и ждут.

От ощущения перепугалась и вжалась в стенку, но не тут то было. Ко мне подскочили, стали расспрашивать, представляться, стягивать верхнюю одежду и наперебой совать в руки то молоко, то горячий чай, то самогон, то пластикового робота посмотреть какой красивый и руками делает «брум-брум-пиу!». Усадили за стол, и пришлось рассказывать.

В общих чертах обо мне уже знали. Участковый, который тоже сидел за столом, оказывается, рассказал обо мне и даже, по его не очень трезвым заверениям, собирался встретить на машине, чтобы я сама не шла, но перепутал чашки и... в общем, не получилось, не срослось.

Я рассказала, где жила, кем работала, обсудили степень родства с покойной Зиновьевной, выпили не чокаясь за упокой, а потом ещё несколько раз за здоровье. Мне насильно алкоголь никто не пихал, так что я с удовольствием грела руки о горячую кружку с душистым чаем и уминала самые настоящие бабушкины пирожки, слушая советы, как лучше обустраивать деревенский быт. Согрелась, раскраснелась и... да, пожалуй, именно в этот момент поняла, что поступила верно, когда приняла решение ехать сюда. А печка? Что та печка? Научусь. Как-то же жили люди раньше, я чем хуже?

То, что решение переехать в дом к неизвестной бабушке действительно оказалось самым правильным, я не знала, как и то, что в это место меня привела сама судьба. Но, если бы знала, что она мне готовит, бежала бы, бросив баулы, до самой дороги, стараясь догнать безразличный автобус с сизым дымом, который ходит лишь дважды в день.

Но, на удачу, это знание меня миновало.

2. Сон на новом месте

Наружу меня выпустили уже в сумерках, убедившись, что я нагружена гостинцами и советами под завязку. Окрестности всё ещё можно было различить, но становилось ясно, что вечерет стремительно, и лучше поспешить, чтобы не идти в темноте. Прочвякали толпой через всю деревню насквозь к полю, которое раскинулось на небольшом пригорке, и свернули вправо – к березняку. Там, на отшибе посреди самой дальней прогалины, почти вплотную к лесу, стоял Он – мой новый дом.

– Ну, могло быть и хуже, – проговорила я, оглядывая светлое чуть покосившееся строение из толстых брёвен. И сыто икнула, переваривая коврижки.

Выглядел дом, а скорее – изба, почти так же колоритно, как и остальные. Серо-голубенький, три квадратных окошка вдоль по фасаду, украшенные резными наличниками, с торца крылечко с навесом, у которого тёмными пятнами остались следы тех, кто приходил до меня, чтобы навести порядок. Здесь снег ещё не сошёл, и можно было чётко различить траекторию гостей туда и назад. Из трубы в середине крыши поднимался уютный дымок, а в ближнем окне теплился свет. Не электрический – свечной. Да и, судя по отсутствию проводов, электричества в доме не было вообще.

«Нда-а-а, а я ещё на интернет надеялась», – подумала я и вздохнула. Ладно, не дело киснуть! Какой-никакой запас денег есть, продукты в деревнях дешёвые – протяну. А через пару месяцев, как освоюсь, устроюсь на удалёнку и буду снимать видосики, как я красиво живу в деревне. Сейчас такое в тренде, почему нет? Главное, чтобы те, кому не надо, не могли меня по пейзажам вычислить. А хотя, как? Достопримечательностей тут нет, а остальное выглядит так, что может находиться где угодно. Россия-матушка – необъятная, а всё равно от края до края такими вот уголками полна. Ладно, завтра подумаю! Всё завтра!

В доме, за небольшой холодной прихожей, которую тут называли сенями, меня ждала растопленная печь, свеча на столе и блюдо с пирожками, накрытое салфеткой. Я с благодарностью кивнула Игнатьевне, которая вошла следом, чтобы показать, как что. Похоже, она с того момента, как завидела меня на дороге с баулами, приняла решение взять надо мной шефство, и теперь галдела без умолку, будто я её собственная внучка, с которой не виделись лет десять. Я как в тумане ходила за ней по большой квадратной комнате, где была и кухня, и спальня, и всё остальное, заглядывая в шкафы с бельём, в тумбочки с инструментами и посудой, на полки с крупами и травами. Очень внимательно и лишь чуть поклёвывая носом внимала, как разжигать и обихаживать печь, но старалась не пропустить детали – угореть не хотелось. Всё же я жить очень люблю, нравится, так что умирать не мой конёк, определённо.

Когда она ушла, оставив меня наконец одну, в ушах аж звенело от усталости и переизбытка впечатлений. Мои баулы скромно притулились у двери, будто им самим было не по себе от непривычной обстановки, но я всё же нашла в себе силы пойти и залезть в них, чтобы достать домашнюю сменку. Пока грела в печи воду, отзвонилась подруге и заверила, что всё хорошо, и никто меня из дружелюбных и шумных деревенских не сожрал и в плену не держит. Потом ополоснулась в тазике, вспомнив детство, когда отключали воду, и, разложив полотенце сохнуть, нырнула в ночную рубашку, а следом – под одеялко. Ругнулась, встала, задула свечу, и улеглась опять.

– Боги, хорошо-то как! – выдохнула я, впервые за долгое время радуясь, что матрас тут старый и не ортопедический. Да, для спины вредно, но как же мягко и уютно! Будто в гнёздышке свернулась кошечкой, аж мурчать захотелось. И бельё свежее, лишь чуть отдаёт затхлостью, как и остальной дом. Но всё же древесиной и уютом пахло больше. От печки шло тепло, лёгкая нотка дыма добавляла атмосферности, а за тёмным окошком светлело широкое, ещё покрытое снегом поле и лишь чуть слева мелькали огни деревни. И тишина.

– Ну? Сон на новом месте, приснись жених невесте! – выдохнула я шёпотом, глядя в разошедшиеся доски потолка. А вдруг? Может, увижу принца писанного, а утром проснусь и он дрова мне принесёт по-соседски, тут-то я его и обженихаю? Хотя... откуда в этой глуши принцы? Одни принцессы беглые... никому не нужные особо.

Честно говоря, спать в таком месте было страшновато. Совсем одна в старом деревенском доме, рядом дремучий лес, где всякое водится. Люди, опять же, незнакомые, хоть на вид и очень милые. В общем, причин нервничать была куча. Но была одна проблема – я слишком устала, поэтому провалилась в сон раньше, чем успела всё это осознать. И спалось мне сладко-сладко.

Почти до самого утра.

Иногда сон настолько крепкий, что кажется, будто что-то тяжёлое и мягкое накрыло тебя с головой всю, как толща воды, и проснуться невозможно. Некоторых это пугает, некоторым наоборот хорошо. У меня бывало и так, и эдак, в зависимости от обстоятельств. В этот раз я не испугалась. А где-то на грани сознания вспомнив, что вставать мне никуда не надо, даже растеклась счастливой подводной медузой. Буду плавать себе до отвала! Вот сколько хочу, столько и буду. Имею право, в конце концов.

Но что-то настораживало. Во сне это казалось мелочью, хотелось выкинуть из головы, но ощущение чужого взгляда не исчезало. Внимательного, будто кто-то просматривал моё тело насквозь, оценивая форму каждого позвонка изнутри грудной клетки.

А следом пришли ощущения. Я не могла назвать их прикосновениями, не могла как-то охарактеризовать фактуру. Но сначала стало тянуть во рту. Странно, томно, но не понять, что происходит. Просто тянет, словно ощущаю не телом, а... не знаю, эфиром? Или что там сейчас в тренде – астральная проекция? Что-то чужое сейчас однозначно копалось в этой моей эфирной астральной проекции, нарушая все грани приличия и личного пространства. Сначала копошилось во рту, затем прикосновение потянулось ниже – к груди. Я бы сказала, что это движение показалось, будто провели чем-то мягким и склизким, но след не ощущался прохладой. А на соске уже приятно потянуло, как бывает в эротических снах.

Я всё ещё плыла в этом странном забытии, не в силах пошевелиться. И спалось хорошо, уютно, а тянущее ощущение на соске добавляло удовольствия и будоражило желание внизу. Хотелось, чтобы там потянуло тоже – так же. Но чужеродное нечто всё ещё аккуратно, но жадно впивалось в мою грудь.

Я застонала, и мозг начал просыпаться. А вот остальное осталось по-прежнему.

«Блять, сонный паралич!» – поняла я, наконец-то ощущая страх. А грудь продолжало тянуть настойчиво, щекотно, мягко.

Глаза открыть не могла, но зато вспомнила, где я и что было вчера.

Так, я одна в деревенском доме. Одна! И дверь запирается на старую щеколду! А окна вообще непонятно на что. Я могу спать, а кто-то прямо сейчас забрался в дом и лезет ко мне! А если это тот столяр? Или дед старый? Или вообще – медведь меня жрать пришёл?

«Так, надо проснуться. Надо срочно проснуться!» – приказала я себе, собирая волю в кулак. Чуждая субстанция, будто почуяла мой настрой, и сменила локацию, став тянуть ниже – на солнечном сплетении. И поползла дальше – туда, где у меня ярко реагировало желание. Словно на запах шло, но медленно. Как если лебяжьим пухом вести по коже, только кожа мурашками встаёт.

Потянуло под пупком. Я попробовала свернуться калачиком, но так и не поняла, смогла ли реально так сделать или только во сне пошевелилась. Только вот это не помогло, и тянущее мягкое нечто, что не сравнить ни с чем, всё так же копошилось у меня над животом, выискивая что-то.

Сон снова потащил в туман, и я расслабилась, забывая о беспокойстве и поддаваясь приятному. «А можно чуть-чуть ниже? Вот чуть-чуть, туда...» – пронеслось на грани сознания, и ощущения потянулись к лобку. Сейчас было не важно, девственница я до сих пор или нет, а хотелось, чтобы что-то там было, чтобы копошилось так же, чтобы томно тянуло и прикасалось.

Мягкое тянущее чувство скользнуло в складочки и угнездилось между ними, запульсировав, словно энергетический шар насыщался моим наслаждением.

«О-о-ох, хорошо-то как!» – пронеслась мысль, и меня вновь выбросило на верхний уровень сна, где я была в состоянии думать. Тут же полоснуло страхом, и я снова попыталась проснуться. Тянущее чувство внизу не исчезало, усиливалось, поглощало всё больше пространства, захватывая в томное наслаждение и губки, и промежность, и внутреннюю сторону бёдер, и живот. Наслаждение нарастало, и страх приобретал новые оттенки, когда боишься, но уже не хочется, чтобы прекращалось. Катализатор, а не предупреждение.

Застонала, не понимая, смогла ли выгнуться лишь во сне или в реальности тоже вышло. Напрячься как следует не получалось, тело продолжало плыть в томной неге, внизу мягко щекотало, казалось, изнутри, а в самом низу тянуло, и не сдвинешь ноги, не избавишься.

«А-а-ах, ещё-ещё!» – мысленно взмолилась я, ощущая подкатывающее удовольствие, и...

– Твою мать! – вскрикнула я, резко проснувшись и подскочив на кровати.

Никого. Из окна ярко и приветливо светит солнышко, в воздухе парят мелкие пылинки, от печи всё ещё идёт суховатое душистое тепло, а где-то далеко звучит мычание коровы и детский смех.

– Блять, – судорожно выдохнула я, неловко вытерев лоб запястьем.

Откинула одеяло и осмотрела себя. Всё на месте, никаких следов. Приснилось! Скользнула пальцами между складочек и вытянула оттуда склизкие нити смазки.

– Тьху ты, потекла! Хоть бы мужик какой приснился красивый с членом, а не муть какая-то дурная! Принца захотела, ага. Обломись, пизда наивная!

Легла назад и свирепо домастурбировала, чтоб не бесило. Сжалась, постанывая и ощущая судороги внутри, а затем бодрая встала и принялась за хозяйство. Сны снами, а новая жизнь сама себя жить не будет.

3. Дом с запахом прошлого

Деревенский быт оказался одновременно и не таким сложным, как я боялась, но и не таким простым, как хотелось бы надеяться. Приходилось делать ручками кучу вещей, которые раньше я воспринимала, как должное. Нанести воды из бочки, погреть её, помыться в тазик, выплеснуть тазик, повесить тазик, поднять и повесить сраный тазик ещё раз, чтобы больше не грохотал об пол! Докинуть дров в печь, чтобы не затухла окончательно, проверить дымоход, набрать чайник из другой бочки, где питьевая, поставить греться...

– И это я даже завтрак ещё себе не пыталась сготовить! – выдохнула я, оглядывая хозяйство.

Да, пожалуй, если бы не пирожки Игнатьевны, утро стало бы мучительным. Впрочем, пока самым худшим оказался поход в стылый покосившийся нужник на заднем дворе. Вот уж где страх! Но облегчение перевесило первый священный ужас, а воодушевления на свершения пока хватало, так что я умылась, перекусила тем, что дали, переоделась в удобный спортивный костюмчик и взялась за наведение своих порядков.

Сперва показалось, что дел немного – всё же сердобольные жители деревни реально порядочно постарались перед моим приездом. Да и вещей у бабушки всего-то ничего оказалось, а в пустых домах наводить порядок проще простого – протёр пыль на столе и полках, подмёл, вымыл полы, и всё. Но это было до тех пор, пока я не открыла дверь в дальнюю комнату. Та поехала от косяка с таким душераздирающим воем, будто это страдала собака подруги, которой когти подстригать собрались. А за ней...

– Блин, а может, так и буду жить у печки? Уютно, тепло. Даже не тесно почти... – пробормотала я, оборачиваясь в сторону опрятной светёлки.

По словам Игнатьевны, моя бабка в последние годы была совсем плоха, так что ютилась в одном помещении прямо за сеньями, чтобы далеко не ходить, и остальной дом не обихаживала. Ей приносили воду и дрова. Малышня по очереди притаскивала продукты и гостинцы. Не бросили бабушку, в общем-то, хотя характером та по рассказам не отличалась. Вернее, как раз отличалась – на редкость вредная и самостоятельная бабка была. Видимо, поэтому и не связывалась ни с кем из родичей, чтоб в город не забрали или не приехали дохаживать.

– Ну, хоть курей с поросями кормить не надо, – вздохнула я, окидывая взглядом завалы, пахнувшие затхлостью и даже чуть-чуть плесенью.

На бревенчатой стене напротив в сумраке виднелся чёрно-белый портрет молодой женщины, чем-то едва отдалённо напоминающей моё собственное лицо.

– Надеюсь, Людмила Зиновьевна, простишь меня, что буду тут хозяйничать. Теперь это – мой дом, – сказала я и, решительно набрав в грудь воздуха, вошла внутрь.

Разгребать бабушкины завалы оказалось куда сложнее, чем наводить порядок в светёлке. Хотя и тут вещей было не так много. Уж по сравнению с богатством современного мира, где у каждого в серванте сервиз, который стоит без пользы, а выкинуть жалко, так точно. А так: книги, одежда, бельё, ёлочные игрушки, стопки журналов, коробки с фотографиями и письмами, старая утварь, какие-то приспособы для рукоделия. Большую часть пришлось складывать в пакеты, чтобы отнести на помойку – устарело, побилось, скукожилось и расползлось по швам. Ни в хозяйстве не пригодится, ни как память.

Сложила в отдельную стопку на выкид несколько старых книг, но не решила: выносить так или оставить на растопку? Я, конечно, пролистала их на всякий случай, чтобы найти письма или закладки, но там оказалось пусто – только уже почти нечитаемый текст и поплывшие чернила пожеланий от дарителей на разворотах.

Раскладывала стопками чужое имущество на старом дубовом столе, покрытом вытертой клеёнкой, разглядывала детали и отправляла что на место, что в мусор. Вырезки из журналов,

выкройки, блокноты с рецептами, письма, фотографии с незнакомыми именами на обратной стороне...

Я сама не заметила, что уже давно плачу, подвывая в голос. Старушку было так жаль, что сердце кровью обливалось. Целая огромная жизнь! Полная чаяний, разочарований и несбывшихся надежд. Сколько таких судеб уже остались позади? Без счёта. А всё равно хочется обнять старые иссохшиеся листки и хоть так подарить немного тепла человеку, который давно ушёл. Пригреть бедную одинокую старушку с дурным характером, которая оказалась слишком гордой, чтобы просить помощи у родни.

Конечно, письма и фотографии я бережно сохранила. Отложила отдельно на чистый участок стола, чтобы потом изучить, и вышла из дома немного проветрить мозги и высушить слёзы. Обманчивое солнце ослепило на миг, но тут же налетел ветер, и я, потоптавшись на пороге под козырьком, нырнула назад в сени.

Сени здесь заменяли прихожую, в них полагалось хранить обувь и верхнюю одежду. Я, подумав, накинула бабкин тулуп прямо на домашний спортивный костюмчик, а ноги сунула в прорезиненные валенки. Тут же с визгом вынула и на всякий случай заглянула внутрь – нет, никакой хитиновой гнуси там не притаилось. Фух!

Удивительно, но как таковой живности в доме вообще не водилось. Мухи и комары, видимо, пока спали, а тараканы с мышами, если и были, то сдохли от голода. Даже пауков не было ни единого! А я, когда ехала, уже морально готовилась сражаться за свою территорию, даже изучила в пути пару статей о видах и степени опасности для человека. Благо, в наших краях ядовитых было маловато. Ядовитых для людей, как минимум. Но всё равно видеть раскоряченную кракозябру на потолке – так себе перспектива. Но повезло, и пока раскоряченная кракозябра в доме была только одна – я. И не на потолке, а по ночам в кровати – хорошая у бабушки, широкая, пусть и с ватным матрасом, а всё ж с комфортом спалось, уютно. Даже ночнушку надевать не хотелось, и я делала это исключительно для того, чтобы заглянувший с утра пораньше в окошко сосед не встретил мою голую жопу из-под одеяла. Кто знает, может, у них тут в порядке вещей по окнам морды совать?

Вышла наружу снова, натянула прихваченную по пути шапку и почвякала по двору, изучая окрестности при свете дня. Ну да, так себе. Забор косой кое-где ещё стоит, но сейчас толку от него нет. На заднем дворе грядки скорее угадывались, а вот чуть дальше, за покосившейся поленницей виднелся выползший из-под сугроба непонятный горб. Это что?

– Вау, да тут колодец! – выдохнула я восхищённо, заглядывая в черноту провала меж досок.

Это была отличная новость. И пусть сейчас он, как и поленница, больше походил на сломанный сарай, но если привести в порядок, то таскать воду будет намного проще. А то я уже с опаской поглядывала на пустеющую бочку, морально готовясь идти к месту, где стояла колонка. Не так уж далеко, конечно, но тащиться с полными вёдрами даже километр не хочется. Ну не станешь же просить каждый раз мужиков? А то ещё решит кто-нибудь из них, что я так авансы раздаю, и придётся отпихиваться от женишка.

Своего заводить я пока не планировала. Подруга говорила, что с моими требованиями я всю жизнь незамужняя останусь. Я же отвечала, что хотеть от мужчины адекватности – это не завышенное требование. Но, как водится, понятие адекватности у каждого своё. В одном мы с подругой сходились однозначно – наглые лапы и грязные намёки её отчима точно не адекватны. Я до сих пор содрогалась от воспоминаний, когда он зажал меня в углу и стал шарить под резинкой штанов, выдыхая гнилыми зубами мне в лицо. Я тогда умудрилась вывернуться и сбежать. Заорала, а он сказал, что пошутил, и ушёл. Больше мы ему не открывали – делали вид, что нас дома нет. Даже свет не включали по вечерам, чтобы он не мог нас застать, но он всё равно стучал и ошивался у подъезда.

– Надеюсь, тут таких уродов не будет, – поёжилась я, обходя двор дальше.

Огляделась и побрела по тропинке к лесу. Подышу чуть природой, говорят – нервы успокаивает. Да и атмосфера тут какая-то своя – мистическая. Это в городе, где всё стремительно и технологично, кажется, что в мире ничего волшебного не существует. А тут, глядя на одни кривые берёзовые стволы и ветки, торчащие среди стылой серо-бурой земли с коркой льда, появляется ощущение, что где-то точно сидит злой замёрзший Леший, который стучит зубами и ждёт, кого бы заморочить насмерть, чтобы хоть как-то скоротать время до весны.

Выпустила клуб пара и подошла к лесу вплотную. Сейчас чаща не выглядела мрачной – света хватало. И даже думалось, что, как снега сойдут, можно будет хорошо так погулять. Сто пудов тут и грибы, и ягоды всякие вёдрами собирать можно. Вот и займусь через месяц-другой, а пока буду дом разбирать и налаживать быт.

– Продуктов надо закупить, – вздохнула я, отворачиваясь от леса, чтобы идти назад. – Надо спросить, где тут ближайший магаз и как добираться...

Рассуждения прервались странной тревогой. Словно по заливку лёгкий холодный ветерок прошёлся, хотя шею плотно закрывал воротник тулупа. Овернулась и всмотрелась в чащу. Чувство усилилось, и я вспомнила, что уже ощущала такое раньше. Это было в автобусе, когда я спала. Будто смотрит кто-то. Прямо очень смотрит, в самую печень заглядывает. И как-то нечеловечески – страшно. И сегодня ночью...

– На хуй иди, – буркнула я, грозно глядя в темноту меж стволов, и уверенно вынула из кармана кулак, чтобы продемонстрировать средний палец. – Доебался ещё до меня. Пошёл в пизду! Ещё зырить на меня будет! В жопу свои зыркалы себе засунь!

Тут же резко убрала руку и смутилась. А если это правда Леший, а я тут грублю? Нехорошо хозяина так привечать. Вот я быдлота городская!

Прижала локти к бокам и смущённо проговорила:

– Я тут новенькая. Не знаю ещё ничего. Нервничаю! Не надо на меня пириться так, пожалуйста, мне некомфортно. Но если что, извините, пожалуйста, я просто тупая и пугливая. Больше не буду хамить. – И, поёжившись, поняла, что чувствую себя полной душой.

Развернулась и похрустела домой.

Там, возле двери меня поджидал вчерашний столяр, который представился Егором.

– Доброе утречко! – улыбнулась я, выдохнув клуб пара, а он со смехом ответил:

– День уже давно! Обед скоро! – И с довольной рожей протянул мне пакет: – Вон тут, держи – собрали. На первое время что да, а потом уж, как чего, там и разберёмся.

Я заглянула внутрь и обнаружила там всякую мелочь типа пакетиков чая, сахара, пачку сушек и даже рулон серой туалетной бумаги – как раз в нужник надо принести.

– Вот это вы, конечно... – восхищённо начала я, и Егор польщённо расплылся в улыбке:

– Та ну ты чё? Все свои, по-соседски же.

Я сердечно поблагодарила и его, и попросила передать благодарности сердобольным соседям, которые насыпали мне добра. Узнала, что магазин есть в селе неподалёку и добираться до него где-то час, если пешком, где-то минут пятнадцать, если на машине, и где-то сутки, если машина застряла в жиже. Но сейчас ещё не развезло, так что можно успеть благополучно смотаться туда-назад. Я договорилась, что меня завтра захватят, и пошла в дом продолжать осваиваться.

4. Домовой

Пообедала снова гостинцами, хотя с печью почти освоилась. Но пока не настолько, чтобы начать в ней готовить. И всё равно с ней было как-то уютно. Хотелось прижаться к боку и сидеть мурчать, как кошечка. Я так и сделала, когда допивала чай. Подвинула табуретку ближе к тёплой стенке и опёрлась спиной – греет.

– Блин, а хорошо в деревне, оказывается, – с улыбкой сказала я, любуясь заснеженным полем в окошке. – Никакая и не Залупень косматая, а прям мирно так, залипушно.

С этой стороны вид выходил на поле, а деревня стояла чуть слева, поэтому, если не глядеть вбок, могло показаться, будто я одна в целом мире. За полем улёгся небольшой овраг, а над ним будто щётка распушился березняк. Дальше в лёгкой дымке уже едва-едва виднелись невысокие холмы, покрытые лесами и лугами. Бескрайние просторы...

Обернулась на противоположную стену. Там в окне, которое выходило на задний двор, маячила близкая чаща, у которой я сегодня глупостями занималась. Частью стояли ели, но больше – голые берёзы, которые переплелись паучьими лапами и чуть покачивались сверху от ветерка. В отличие от вдохновляющих просторов, от этого вида пробирает страх. Сразу понимаешь, что край тут дикий, реально может какая зверюга прям к дому выйти! Да даже если просто волки – они ж тоже по весне голодные, а я тут одна...

– Блин, замуж выйти, что ли? – поёжилась я и тут же засмеялась собственной шутке. Нет, так-то я бы не отказалась от хорошего мужика дома. Только где ж их взять, этих хороших мужиков, если предлагают только тех, кто с пивом потянет, а я пиво не пью?

Отхлебнула чаю, который принёс местный плеябой – похоже, единственный бобыль в деревне – и вспомнила утренний сон. Станный, тревожный, но... Ладно, стоит признать, что мне понравилось. Пугает до усрачки такая вот хтонь, но приятно-то как!

Огляделась – нет, следов взлома не видно. Да и о каком взломе может быть речь, если я проснулась прям в процессе, а рядом никого? Просто приснилось, бывает. Видать, от смены обстановки торкнуло. Если бы ещё не это давящее чувство чужого взгляда, от которого поджилки ледяным страхом скукоживает, то можно было бы вообще считать везением. Мне эротические сны снятся редко, а тут прям праздник. Пусть без визуальных деталей, но их и дофантазировать можно. А сейчас... учитывая мои цели на ближайшие пару лет, вряд ли мне светит хоть что-то в интимном плане, кроме таких вот снов. Уж лучше я ещё побуду одинокой неприкаянной принцессой-недотрогой, чем снова окажусь под прицелом внимания какого-нибудь уроды. Местный-то принц, который мне гостинцев припёр, вроде хоть приличный и безобидный. Так что вежливо объясню, что не ищу отношений, он и отстанет. Вроде не навязывается сильно – и хорошо.

Вспомнились рассказы о деревенской нечисти. Где-то я слышала, что домовый может такое учудить. Когда хозяйка одинокая – типа, утешить. Я в домовых не так чтобы разбиралась сильно, но сейчас мысль показалась актуальной. Да и в подобной атмосфере во всю эту нечисть верилось куда как охотнее.

– Так, молока надо купить, – пробормотала я, нервно покусывая губы. – И сметаны. Вроде как их молоком угощают.

От мыслей про домового стало неловко. Представила, как меня томно щупает какой-то светленький мохнатый низенький мужичок, и смущённо хрюкнула не то смеясь, не то чувствуя панику от стыда. Нет, определённо не то, о чём я мечтала. Но что уж поделать? Если реально домовый, то приятно, что хоть признал хозяйкой, поприветствовал. А не придушил во сне, как они могут, если верить слухам.

– Ладно, будем считать, что это – добрый знак, – решила я и встала, чтобы продолжить заниматься делами.

Спать легла по деревенским меркам поздно – около полуночи. Так-то света свечи было недостаточно, чтобы заниматься порядком, но я никак не могла оторваться от бабушкиных писем. И чем больше читала, тем больше чувствовала, как сердце сжимается. Те послания, что адресовались ей, были обычными – просто куски из жизни. Кто-то поздравлял, кто-то заболел, кто-то нашёлся, кто-то женился или родил детей. Обычные новости, насущные проблемы, вежливые обороты ни о чём. Но я читала другие – те, которые писала она сама. Похоже, писала какой-то женщине. Может, сестре, может, подруге. Письма были искренними, тёплыми, полными любви и заботы. Письма о том, что она чувствует, чего боится, что не хочет признавать. Такие, которые пишешь, точно зная, что не отправишь никогда. И почему-то у меня стойко складывалось ощущение, что адресат пропал без вести. Либо уехала, либо действительно пропала.

Я утирала слёзы без конца и разматывала уже ополовиненный рулон серой туалетной бумаги. Сморкалась и снова плакала. Людмила Зиновьевна рассказывала о себе, о том, как живёт, как справляется с бытом одна и как скучает. Я так и не поняла причин, но по всему выходило, что осталась она здесь не по своей воле, а чтобы сберечь остальных от какой-то напасти.

Лишь почти в полночь дошла до письма, где бабушка говорила о чём-то, что могло напоминать причину.

«...Вспоминала в пятницу наш вечер. Святки, когда нам по пятнадцать было. Помнишь, гадали? Я же тоже тогда не сказала никому, что увидела. Да и кто поверит? Стыдно в такое верить было в наше время.

А теперь всё думаю, думаю: а если бы не послушали тогда бабу, может, и не случилось бы ничего? И тебя сберегла бы, и себя заодно. Да куда уж потом? – думаю. Тебя бы за Игната отдали, да и всё. Может, и к лучшему, что нет тебя больше? Намаялась бы ты с ним, он выпивать с годами стал, подурнел, из колхоза выгнали. И сам оскотинился, и тебе бы жизни не дал.

Да всё одно, думаю, не зря в газетах пишут, что зло одно от этих гаданий. Я то страшилось на всю жизнь запомнила. Да и ты бы запомнила, если б осталась со мной. Его ли ты видела, подруга моя верная? Оно ли тебя забрало? Может, оно, а участковый брехал, чтоб со службы не погнали? Не знаю я, да верить хочу, что всё у тебя хорошо.

Я вот сны иногда про тебя вижу. Что живёшь где-то, детки у тебя, семья, хозяйство. Да пусть уж и чужбина. Разве ж на чужбине жизни нет? Есть, живут же. И ты живёшь – верю. И радуюсь, что сложилось. Кто знает? Может, не сны?

А у меня по-прежнему всё. Скоро тридцать, а всё в молодках хожу. Да так и буду ходить, нельзя мне деток, не могу я на них беду такую повесить. Придётся самой нести по гроб жизни. Ох, подписала я себе приговор тогда, дура девка! Да не воротишь уже...»

– Вот это вообще какой-то детектив с мистикой... – оторопело выдохнула я, откидываясь на хлипкую спинку старого стула, когда дочитала письмо. А ведь где-то я уже встречала в письмах от бабушки наставления, что гадания – грех, но не придавала значения.

Встала и заново оглядела стопку книг, которые хотела выкинуть. Было в них нечто общее – все дореволюционные, некоторые с крестами. Точно про святки, демонов и прочую хтонь. Выходит, она изучала вопрос, старалась избавиться от... от чего? От последствий гадания? От проклятья? От суженого-ряженого, который какой-то жуткой сранью привиделся?

– Нихрена не понятно, но очень интересно, – выдохнула я, наконец, и отложила всё.

Потёрла глаза и огляделась в поисках телефона, чтобы узнать который час – вообще забыла про него! Как, однако, летит время, когда столько нового в жизни. А за окном уже глубокая чёрная ночь...

– Ладно, завтра буду разбираться, – решила я и отправилась готовиться ко сну.

Уже в постели поняла, что телефон ещё и забыла зарядить. Действительно почти не вспоминала о нём целый день! Когда ещё такое случалось в последний раз с тех пор, как у меня появился первый? А тут, оказывается, можно и без него жить.

– Класс, – выдохнула я, глядя в бревенчатый потолок, и задула свечу.

Сразу стало темно, а окна с двух сторон превратились в единственные источники тусклого лунного света. Если бы не тихое, едва слышное потрескивание в печи, стало бы совсем жутко. Тишина и никого. Где-то снаружи ветер чешет верхушки деревьев, вдалеке протявкала собака и примолкла. Ни шума дороги, ни самолёты не летают – ничего.

– Эй, домовый! – дрожащим шёпотом позвала я, но тут же вспомнила, как положено обращаться, и исправилась: – Хозяин! Хозяин? Ты это... спасибо за тёплый приём, но, если можешь, сделай, пожалуйста, чтобы я заснула нормально, а то я сейчас уснусь со страху просто.

Ругнулась и встала, понимая, что перспектива уссаться реальна – забыла в туалет сходить на ночь. Да, если честно, и желания не было – там холод, мрак и хтонь, а я голенькая под тулупом туда побегу. И забора как такового нет – любой козёл, маньяк или медведь, заходи и располагайся! Может, в ведро? А утром вынести?

– Завтра же попрошу местных мужиков, чтобы забор мне починили, – сердито буркнула я, натягивая валенки и набрасывая тулуп. – Пофиг вообще, сколько денег. Огород заведу, если совсем денег не останется, и буду с грядки жрать, лишь бы забор был!

Вышла из сеней на крыльцо и быстро похрустела по зазеленелой тропинке в сторону одинокой будочки. Благо, лунный свет оказался вполне ярким, и я видела дорогу. Выписала чай с такой скоростью, что аж пшикнуло. Засмеялась, но всё равно домой побежала сразу. Лишь у дверей огляделась и облегчённо выдохнула – никого. И только в чаще неподалёку берёзовые ветви колышутся, будто там что-то живое шагает, как чудовище с картин Сальвадора Дали.

– Пипец вообще, колорит сраный! Ну его нахер!

Заперла в доме все окна и двери и устроилась под одеялом снова. Хотела ещё немного подумать о делах на завтра, но, видимо, прогулка пошла на пользу, и я провалилась в сладкий крепкий сон.

И снова что-то томительно тянуло у меня внутри. Прямо в животе. Мягко, настойчиво. Не так, словно кто-то неведомый пьёт из меня, а будто каждое нервное волокно тронуло и чуть-чуть придерживает, не желая делать больно, но показывая свою власть. И я была в чьей-то власти. Этот кто-то казался намного больше, чем мохнатый старичок, каким должен был быть домовый. Впрочем, мысли об этом проплыли на краю сознания и растворились, возвращая в негу. Тянувшее чувство касалось меня в животе прямо изнутри, на груди, в подмышках, между лопатками, в горле, под языком. Иногда по очереди, иногда одновременно, словно моё тело перебирали в огромных пальцах, как податливое тесто. Я не возражала – мне было уютно и приятно.

Такого острого наслаждения, как было вчера, не появлялось, а вместо него меня пронизывало тихое и непрекращающееся блаженство, которое не требует разрядки.

Я припоминала нечто похожее – это было в ту пору, когда я лишь начала созреть. Тогда я несколько часов представляла, как целуюсь с мальчиком, который мне нравился, и не хотелось больше ничего – только продолжать это. Сейчас было так же, но теперь я чувствовала ещё и словно меня целуют в ответ. Нет, не физически, но мозг отзывался так, будто это происходит, будто я не одна, будто кто-то со мной так же плывёт в неге, наслаждаясь мной и тем, что между нами. Физически же я ощущала лишь мягкое ничто и чуть тянущее удовольствие внутри моего тела – прямо под кожей.

Кто-то смотрел на меня. И смотрел уже не так, как раньше. Теперь кто-то смотрел на меня спокойно, без жадности, без настороженности. Смотрел так, будто я принадлежу смотрящему всецело, и ему некуда спешить – я никуда не денусь, никто меня не заберёт. От этого взгляда

почему-то становилось спокойно. От его уверенности. Даже несмотря на то, что сама я не могла понять, откуда знаю, что на самом деле чувствует смотрящий. Я даже не знала, кто это вообще? Кем может быть сущность, от которой веет холодной нечеловеческой силой, по сравнению с которой все обычные страхи кажутся незначительными и суетными.

Меня успокаивали тянущие прикосновения к моему потустороннему телу и та явная уверенность, исходящая от чуждого существа, поэтому я ощущала мурашки лишь где-то на фоне, не поддаваясь им. словно моё сознание вытеснил чужой разум, передавая собственные эмоции, а мои – жалкие и трусливые – задвинули куда-то глубоко, где они не смогут нам помешать наслаждаться моментом.

Сколько длился этот странный сон, я не знала. Казалось, я до самого утра грелась в этом пушистом обволакивающем тумане, но всё же это не могло длиться вечно, поэтому я начала просыпаться. Тянувшее напряжение усилилось, я будто смогла пошевелиться, и на это пришло ощущение. Странное, я даже не сразу сообразила, что это. Казалось, меня держат и держат очень крепко. Разом вспыхнул страх: если бы я не вздумала двинуться, так бы и не заметила. И сейчас чётко поняла, что двинуться не могу никак, а в промежности что-то есть. И есть прямо там! Прямо всунуто мне в письку по самые гланды, будто меня насадили на толстый кол и держат!

Я стала часто рывками дышать, зная, что это поможет выпрыгнуть из сна, и в голове тут же начало светлеть. На миг в сознании проявился пугающий образ тонконового белого существа, но я видела его как-то вне контекста, будто просто вмешался лёгкий бред быстрого сновидения, прежде чем выпустить меня в реальность. Но ощущение-то между ног всё ещё было! И там в меня торчало что-то толстое, гладкое и жёсткое, достающее до самой матки!

Сжала зубы и... резко села в кровати, чувствуя, как по коже холодит выступивший пот. Я была одна, на дворе царил день. Ничего не случилось.

Выругалась. Смачно, злобно и беспомощно. После развела ноги и посмотрела вниз – ощущение почти исчезло, но к нему добавилась боль. Между бёдер, безбожно пачкая единственную ночнушку, расплывалось багровое пятно.

– Та твою ж налево! – фыркнула я и подхватила рулон туалетки, который поставила рядом с кроватью. Свернула несколько слоёв и подложила, чтобы не текло дальше. – Блин, и как я так забыла, что пора? Теперь ещё и это! Стирать ещё...

Встала, стараясь не дать крови потечь по ляжкам, и подошла к столу, чтобы записать в список в магазин прокладки.

5. Терапия от бога

Ощущение в промежности до конца так и не пропало, но поугасло. В голове до сих пор стоял странный сон, и казалось, будто это непонятное жёсткое что-то всё ещё во мне. Напоминало, честно говоря, член. Ну серьёзно – просто какой-то хтонический сонный хуй! Приснится же бредятина иногда. Я даже подумала, что, может, мужской причиндал именно так и ощущается на самом деле? Я-то не знаю ещё. А через штаны у отчима подруги палочка казалась весьма твёрдой. Фу.

Но вообще, я не переживала. Когда пошли первые месячные, мне показалось, будто в меня кусок арматуры в форме буквы «Т» засунули и держат. Это потом я уже поняла, что так ощущались проснувшаяся матка и яичники. А сегодня, что уж? Переезд, другая обстановка, другая пища, стресс, холод и тяжести, которые таскала накануне. Неудивительно, что снится всякая хрень и ощущения другие. Боль-то уже знакомая. Но теперь и вчерашний эротический сон было легко объяснить: кровь в матке собралась и давила, от неё перед месячными всегда хочется туда что-нибудь это самое потербонькать. Вот, потербонькала.

– Но домовому молока всё-таки куплю, – решила я, радуясь, что, пусть и проспала, но ещё успевала ко времени, чтобы съездить с соседями в магазин.

Машина ждала у дома Игнатьевны, и я спешно прочапала к ней. Высокий отечественный внедорожник прогрел движок, но пассажиры ещё не собрались, и я выдохнула. Егор приветливо приподнял кепку, а потом глянул вдаль, где по дороге ковыляли ещё две бабки. Похоже, набьёмся в салон как сельди в банке. Ну, в тесноте да не в обиде.

Пока они ковыляли, я не только попросила поставить телефон на зарядку, раз уж электричества мне не досталось в наследство, но и договорилась о заборе, и столяр пообещал решить вопрос в ближайшую неделю. Но затем смущённо предупредил, что придётся заплатить, и денег потребуется много.

– Сколько? – угрюмо поинтересовалась я, и мужичок, сняв кепку и нервно выдохнув, будто в омут бросался, ответил:

– Пять тыщ.

Я хлопнула рукой по груди и выдохнула:

– Да ты што?! – Но, видя, как у собеседника аж скулы от стыда сводит, тут же поспешила пояснить: – Это шутка была, я шучу, Егор. Я вообще думала, что ты скажешь сумму раз в десять больше.

Он аж отпрянул:

– Да ну как можно? На что такие деньги? Мне распили взять только! Я там доски в сарае есть ещё, а и у вас прилажу, там куда? Ну, за работу тоже, конечно, не постеснялся тыщу, но то ж работа всё-таки. Мне совсем без денег нельзя, жить-то на что-то тоже...

Я облегчённо похлопала его по плечу, в душе радуясь, как мне повезло с этими бесхитростными деревенскими. Но предупредить, чтоб яйцы не подкатывал, всё же стоит.

Бабки с бодрым оживлением набились в кабину, с двух сторон зажав меня в центре на заднем сиденье, и радостно загомонили. Егор включил по радио какую-то попсу из Девяностых, и машина тронулась, прыгая по ухабам и кочкам, а иногда с брызгами врываясь в чёрную жижу и заляпывая на обочинах бегущих прочь кур и гусей. Сам водитель активно участвовал в беседе, иногда подпевал, курил в окошко и заодно матюкался на особо сложных участках дороги, пока нас мотыляло по салону. Бабки хохотали, что-то у меня спрашивали, но ответов даже не ждали, а продолжали гомонить. Наперебой советовали мне, чего купить, как в печи приготовить и прочее, а под конец, когда выехали-таки на асфальтовый участок с грунтовок, вообще хором запели колхозную песню из советского прошлого.

«Да блин, в них тут жизни больше, чем в моих ровесницах в городе! – подумала я, борясь одновременно с тошнотой от запаха сигарет, и со смехом от заразной радости бабок. – Пообвыкнусь и точно блог заведу! Тут ни одна травмированная менталка не устоит перед этими деревенскими. Буду продавать путёвки на полный детокс за конский ценник. Приехал, гаджеты отобрала и – к бабкам в машину песни петь и пироги жрать! Терапия от бога! С вас пять тыщ!» Сама захохотала, и старушки запели следующую песню.

Когда мы вывалились из машины в центре соседнего села на небольшой заасфальтированной площади перед отделением почты, я не выдержала и согнулась в сухом спазме. Укачало. Но завтрак умудрилась сохранить, а бабки, перепугавшись, окружили меня с трёх сторон и наперебой стали советовать очень важные советы, что понюхать, что пожевать, что попить и что пропить, чтобы не тошнило. Пришлось признаться, что у меня те самые дни, и... получить ещё ворох советов. Но отнеслись ко мне с пониманием, и мы вместе побрели к рынку. Они со скоростью черепахи из-за возраста, я – из-за боли и слабости.

Денег пришлось спустить порядочно. И то, что у меня по списку, и то, что порекомендовали взять опытные соседки – всё было важно и необходимо в хозяйстве. Я благодарила милосердный вселенский разум за то, что с нами поехал этот прекрасный Егор, который и мои, и бабкины сумки безропотно таскал в багажник, когда мы наполняли свои кошелёчки в очередной раз. Но и он под конец умаялся и попросил закругляться, а то багажник не резиновый.

Собрались у машины, и я уж думала, что будем сейчас загружаться назад, но Игнатъевна кивнула мне и махнула рукой:

– Подём-ка на почту, голубушка. Степанида на тебя поглядеть хотела.

– Кто? – удивилась я.

– Степанида Михайловна. Бабку твою знала, – пояснила соседка. – Подём, мы тебя показать обещ-щали.

«Ну, обещали, так обещали, – смирилась я, позволяя взять себя под локоть. – У них тут развлечения другие, придётся побыть артистом на гастролях немного».

Когда мы зашли в отделение, я даже улыбнулось – таким детством запахло. Всё было старенькое, но чистое, уютное. И запах знакомый. Такой же был, когда я маленькая с мамой ходила на почту. В единственном окошке сидела пожилая женщина и, глядя в очки-полумесяцы, вбивала данные какого-то отправления. Игнатъевна, будто не видя тётку, которую обслуживала сидящая, подошла и радостно воскликнула:

– Степанида! Да ты никак зубы вставила?!

Степанида вскинула голову и расплылась в яркой белозубой улыбке:

– Игнатъна! Какие люди! А ты, гляжу, всё челюсть никак не обновишь?

Бабки рассмеялись, клиентка с отправлением начала бухтеть, что её не обслуживают, но подошли остальные две подружки и загомонили, враз уничтожив всю формальную атмосферу. Я, тихонько хрюкнув, прижалась спиной к стенке, наблюдая за всем со стороны, и сжала зубы – накатил приступ боли. В этот раз приступов было немного, но под конец похода по магазинам, они усилились, и я старалась корчиться незаметно. Радовалась, что уже успела схватить пачку прокладок и заменить в рыночном туалете туалетную бумагу в трусах на нормальное средство гигиены.

Клиентка, матюкаясь и трясая крашенными кудрями, наконец вышла, и бабки облепили окошко полностью. Но Степанида Михайловна не стала их мучить и вышла в зал, заодно разминая ноги.

– Гляди-ка, кого привели тебе! – гордо выпрямилась Игнатъевна, указывая на меня узловатым пальцем. – Внучка Зиновьевнина!

– Батюшки! – всплеснула руками Степанида и подошла ко мне за уже привычным ритуалом: покрутить, поглядеть, потягать за руки и покачать головой. – Ты глянь-ка, как похожи! И не скажешь, что дальние! Вот эть как оно, чудеса!

Я смущённо кивала и помалкивала. Да и что сказать, когда слова вставить не дают? Впрочем, не до слов – опять живот болит. Как же хорошо-то, что месячные только сегодня начались, а не в день приезда!

– Голубушка, а у меня-то письмецо для тебя лежит, – вдруг сказала Степанида, глядя мне в лицо. – От бабки твоей.

– Письмо? Для меня? – удивилась я так, что аж боль пропала. – Серьёзно?

– Лежит, ждёт тебя давно, – закивала она и стала выбираться из кольца подруг. – Просила тебе передать, как приедешь. Давно уже! Лет десять как лежит, я и забыла почти. Хорошо, как раз перед твоим приездом наткнулась, так бы и лежало себе.

Я не стала задавать вопросов, а молча подошла к окошку и подождала, когда на стойку ляжет пожелтевший конверт без марок и адреса – только моё имя и подпись: «От бабушки». В груди снова что-то сжалось, и я бережно взяла письмо, чтобы спрятать под куртку. Так и везла его назад в машине, глядя на дорогу в просвет между передними сиденьями и слушая, как бабки хором задорно поют:

– Ра-стя-ни меха-а-а, гармошка, э-э-эй, давай, наяривай!..

Иногда неосознанно подпевала, улыбалась, а у груди грелось что-то будто живое. Весточка от бабушки. Никогда не виделась с ней, даже не знала, что она есть, а всё равно – будто по голове кто погладил.

Приехали вполне быстро и как раз успели до того, как небо нахмурилось и прыснуло холодным дождиком. Егор раскидал бабuleк по домам и последней отвёз меня. Отдал заряженный телефон, помог дотащить пакеты до двери и, с тревогой глянув на тучи, махнул кепкой и распрощался, пообещав завтра прийти и заняться забором. Я махнула ладошкой в ответ, открыла дверь, которую перед отъездом впервые заперла на ключ и теперь очень боялась, что не смогу отпереть, затащила покупки в сени и с облегчением выдохнула. И тут же согнулась в новом спазме.

– Пиздец просто, – всхлипнула я. В трусы прыснуло горячим, и я раскорячилась, давая крови впитаться в прокладку, чтобы не потекло по ногам. – Ладно, всё потом.

Оставила покупки в холодных сенях, вытащила пачку прокладок, помыла руки и потащилась в туалет, а потом полоскать окровавленную жопу в тазике. Подкинула дров в печь, привела себя в порядок, заменила прокладку и рухнула на кровать. Взяла последний оставшийся пирожок и стала жевать прямо лёжа. Но не дожевала, потому что провалилась в сон.

И снова меня окружал белый мягкий туман, в котором так приятно было лежать. Настолько, что даже ощущение арматурины в животе почти не мешало.

6. Внутреннее тепло

Обычно, когда я спала при месячных, боль отступала. Но бывало и так, что я просыпалась от сильных спазмов и долго мучительно переживала, когда отпустит. В этот раз организм решил, что в моей жизни что-то слишком мало боли, поэтому слабые поначалу спазмы нарастали, и меня периодически вырывало из мягкого сна в реальность, и я скулила, скручиваясь в клубок.

Но затем вернулось Это. Когда я в очередной раз нырнула в сон, утонув в тумане, то ощутила сперва то тянущее волнующее чувство в животе, а затем прямо чётко осознала, что в меня погружается что-то толстое, гладкое и жёсткое. Аккуратно так погружается, без боли, как пальчик в жопку на первом в жизни осмотре у гинеколога. Ну, это если повезло с гинекологом, конечно... Только вот погружалось мне не в жопку и не пальчик, а что-то намного шире... ну да, размером с крупный пенис. Причём, ощущения были слабыми, будто через наркоз, но я понимала, что происходит. Тянущее удовольствие не пропадало, гуляя по животу, соскам, плечам, шее и рёбрам. Иногда будто всю меня накрывало, но лишь едва-едва – так, чтобы я не погрузилась в то ощущение вожделения, а просто – успокаивающе.

Живот снова натянула боль, я двинулась во сне, одновременно ощущая своё скорченное тело на кровати, и при этом лёжа в раскинутой позе в белом тумане, где меня щупало что-то неведомое. И где в меня ввели вот это твёрдое, до упора ввели, растянули, заполнили, закупорили. Я сжала зубы, чувствуя, что вот-вот сейчас будет самый пик боли, но внезапно та часть меня, которая спала, ощутила внутри живота пульсацию. Медленную, размеренную, такую же успокаивающую, как и всё остальное. Стержень внутри напрягся, по нему проходили волны и чем-то мягким и тёплым изливались мне в самое больное место – в матку. И меня отпускало. Раз – плевок – легче. Два – плевок – снова. Три – плевок – я почти не чувствую боли. Четыре – плевок – мне тепло там, хорошо, мягко. Словно чем-то успокоили мою боль, погасили и наполнили истомой.

Я, почти не просыпаясь, перевернулась на спину и закуталась в одеяло, наслаждаясь приятным теплом в матке и растягивающим ощущением во влагище. Чудесный сон! Какой хороший чудесный сон! Пожалуй, никогда мне не снилось ещё что-то такое же приятное. Эротичное. И тёплое.

Поддалась ощущениям и уплыла полностью в мягкое волнующее забытье, уже не боясь, когда тянуло везде: во рту под языком, за ушами, под челюстью, в горле, на сосках, в подмышках, на пяточках, между пальцами, даже в анусе, словно моё энергетическое тело пробуют на вкус и изучают со всех сторон – где приятней. Где я сильнее отзовусь, пока в самом чувствительном месте продолжает медленно и размеренно пульсировать жёсткий гладкий цилиндр.

«У меня мой личный сновидческий трахарь», – пронеслось в голове смешное, и я, наконец, улыбнулась во сне, но точно не знала – спала. Белый туман окутывал меня, мягко согревая, и я лишь иногда почему-то вдруг начинала думать о пауках. Причём тут они? Но я же сплю. Во сне не может быть логики. Даже страха нет – только мягкое удовольствие. И что-то поступательно выливается в меня, наполняя тело чужим и тёплым. Как же хорошо...

Проснулась уже в темноте. Привстала и ругнулась – протекла! Снова постель менять, да что ж такое-то?! Хорошо хоть догадалась утром старое полотенце подстелить, чтобы матрас не залить, если вдруг что.

Встала, зажгла свечу и покарябала в раскоряку на улицу в туалет. Посидела над вонючей бездной, поджидая, чтобы вся застоявшаяся кровь вытекла, вытерлась и почапала назад – снова полоскать жопу. Да и вообще помыться как смогу и заняться делами.

После странного сна самочувствие пришло в норму. Я чувствовала себя бодрой и довольной. В животе приятно отзывалось воспоминаниями об ощущениях, и даже намёка на боль не появлялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.